

DOI: 10.22363/2313-2299-2025-16-4-1024-1038

EDN: MNGGSC

Научная статья / Research Article

Прецедентность в поэзии как стратегия языкового воздействия и манипулирования

А.В. Окулич-Казарина , О.В. Алмакаева , А.Г. Акназарова

Кыргызский национальный университет имени Жусупа Баласагына, Бишкек, Кыргызская Республика

 ok-anna85@mail.ru

Аннотация. Прецедентность в поэзии рассматривается как стратегия языкового воздействия и манипулирования, выявлены ее механизмы и функции в формировании читательского восприятия и эмоционального отклика. Прецедентные феномены в поэзии рассматриваются как мощный, но часто скрытый инструмент языкового манипулирования, позволяющий поэту влиять на сознание читателя, вызывая определенные ассоциации, эмоции и оценки без прямого выражения. Авторы классифицируют прецедентные феномены по типу претекста (высказывание, ситуация, имя) и по форме их существования во вторичном контексте (цитата, аллюзия, реминисценция, перифраза, мотив). Отмечается, что цитаты имеют меньший эффект воздействия, чем реминисценции и аллюзии, поскольку они однозначнее интерпретируются читателями. Однако трансформация цитат и их включение в новый контекст может служить инструментом воздействия. В статье также подробно описываются функции прецедентных феноменов (людическая, парольная, моделирующая, эвфемистическая, эстетическая и оценочная). Особо выделяется прагматическая функция, где прецедентный феномен выступает как инструмент создания определенного состояния адресата, становясь стратегией воздействия и манипулирования. Уникальность статьи заключается в анализе механизмов языковой манипуляции в поэзии через призму прецедентности, демонстрация того, как авторы используют культурные и литературные отсылки для тонкого формирования читательского восприятия, эмоций и ценностей, делая его активным, но часто неосознанным участником процесса. Примеры из произведений русскоязычных поэтов Кыргызстана демонстрируют, как использование прецедентных высказываний, аллюзий и реминисценций, создание ассоциативных полей позволяют поэтам достигать сложных прагматических целей и обогащать подтекст произведения.

Ключевые слова: художественный текст, тип претекста, высказывание, ситуация, имя

Вклад авторов: вклад авторов равнозначен на всех этапах исследования и подготовки текста статьи.

Заявление о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: дата поступления: 09.04.2025; дата приема в печать: 15.08.2025.

© Окулич-Казарина А.В., Алмакаева О.В., Акназарова А.Г., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Окулич-Казарина А.В., Алмакаева О.В., Акназарова А.Г. Прецедентность в поэзии как стратегия языкового воздействия и манипулирования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. Т. 16. № 4. С. 1024–1038. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-4-1024-1038>

Precedent in Poetry as a Strategy of Linguistic Influence and Manipulation

Anna V. Okulich-Kazarina , Olesya V. Almakaeva ,
Gulumkan A. Aknazarova

Kyrgyz National University named after J. Balasagyn, *Bishkek, Kyrgyz Republic*
 ok-anna85@mail.ru

Abstract. The precedent in poetry is a strategy of linguistic influence and manipulation to identify its mechanisms and functions in shaping reader perception and emotional response. Precedent phenomena in poetry are considered as a powerful, but often hidden tool of linguistic manipulation, allowing the poet to influence the reader's consciousness, causing certain associations, emotions and assessments without direct expression. The authors classify precedent phenomena by the type of pretext (utterance, situation, name) and by the form of their existence in a secondary context (quotation, allusion, reminiscence, periphrasis, motive). It is noted that quotations have less impact than reminiscences and allusions, as they are interpreted more unambiguously by readers. However, the transformation of quotations and their inclusion in a new context can serve as a tool of influence. The article also describes the functions of precedent phenomena (ludic, password, modeling, euphemistic, aesthetic and evaluative). The pragmatic function is particularly emphasized, where the precedent phenomenon acts as a tool for creating a certain state of the addressee, becoming a strategy of influence and manipulation. The uniqueness of the article lies in analysis of the mechanisms of linguistic manipulation in poetry through the prism of precedent, demonstrating how the authors use cultural and literary references to subtly shape the reader's perception, emotions and values, making them an active, but often unconscious participant in the process. Examples from the works of Kyrgyzstan poets demonstrate how the use of precedent statements allows poets to achieve complex pragmatic goals and enrich the subtext.

Key words: literary text, type of pretext, utterance, situation, name

Authors' contribution: the authors contributed equally to this research and preparation of the article text.

Conflicts of interest: the authors declare no conflict of interest.

Article history: received: 09.04.2025; accepted: 15.08.2025.

For citation: Okulich-Kazarina, A.V., Almakaeva, O.V., & Aknazarova, G.A. (2025). Precedent in Poetry as a Strategy of Linguistic Influence and Manipulation. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 16(4), 1024–1038. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-4-1024-1038>

Введение

Ключевым инструментом в процессе коммуникации является текст, который обладает синтаксико-смысловой цельностью и внешней информативностью. Имманентной составляющей коммуникативной функции текста является воздействие, поскольку сообщение по своей сути предполагает

определенную степень влияния и регулирования поведения участников коммуникативного акта. Г.Г. Матвеева предлагает «выделить прагматическую функцию текста как часть коммуникативной функции, потому что прагматическая функция играет огромную роль в акте общения» [1. С. 34].

Способность текста достигать определенного коммуникативного эффекта и оказывать целенаправленное прагматическое воздействие на реципиента определяется как его прагматический потенциал. Формирование данного потенциала является результатом комплексного выбора и взаимодействия таких текстовых параметров, как подбор и организация информации, соответствующей поставленной прагматической задаче; использование специфических лексических, грамматических и стилистических единиц для кодирования сообщения; методы организации внутренней логики текста и т.д. В современных лингвистических исследованиях утвердилось убеждение о высокой продуктивности прагматического аспекта при анализе художественного текста.

Актуальность исследования заключается в прагмалингвистическом подходе в рассмотрении понятия прецедентности в поэтическом тексте. Прагматический потенциал текстов реализуется через различные инструменты языкового воздействия и манипулирования. Языковая манипуляция в поэзии понимается не как обман, а представляет собой искусное управление восприятием читателя через неявные языковые и стилистические механизмы, действуя на уровне подтекста, импликатур, фоновых знаний, апеллируя к эмоциям и подсознанию. Цель работы — проанализировать прецедентность в поэзии как стратегию языкового воздействия и манипулирования, выявив ее механизмы и функции в формировании читательского восприятия и эмоционального отклика.

Соотношение понятий языкового воздействия и манипулирования в рамках художественного текста

Одним из наиболее значимых направлений применения прагматического подхода в анализе художественного текста является интерпретация его скрытого содержания, так как он «устроен таким образом, что наряду со сведениями, которые в нем сообщаются в явной форме, он содержит и такую информацию, которую читатель должен „извлечь“, пройдя через цепочку умозаключений» [2. С. 232].

В поэтическом тексте прагматическая функция языка приобретает особую сложность и глубину, поскольку его основная цель не сводится к прямой передаче информации. Здесь доминирует эстетическое и эмоциональное воздействие, а также стремление к формированию уникального читательского опыта. В этом контексте языковое воздействие и манипуляция выступает как специфическая, часто тонкая и многоуровневая реализация прагматического потенциала, направленная на скрытое влияние на сознание и подсознание читателя.

В рамках прагмалингвистического подхода основой для классификации разновидностей речевого воздействия служит типология речевых актов. Выделяются следующие разновидности речевого воздействия в зависимости от интенций говорящего: оценочное, социальное, эмоциональное воздействие, разъяснение, волеизъявление и информирование [3; 4].

В лингвистике манипуляцию или манипулирование исследователи изучают как разновидность речевого воздействия (Л.Г. Навасартян, И.А. Стернин, Г.А. Копнина, Е.В. Денисюк и др.). Согласно И.А. Стернину ключевым критерием для дифференциации речевого воздействия и манипуляции выступает степень осознанности действий адресата: «Речевое воздействие — это воздействие на человека при помощи речи с целью убедить его сознательно принять нашу точку зрения, сознательно принять решение о каком-либо действии, передаче информации и т.д. А манипулирование — это воздействие на человека с целью побудить его сообщить информацию, совершить поступок, изменить свое поведение и т.д. неосознанно или вопреки его собственному мнению, намерению» [5. С. 67—68].

В аспекте исследования прагматики художественного текста мы обращаем внимание лишь на некоторые стороны языкового манипулирования, в частности, то, что а) воздействие осуществляется скрытно и направлено на достижение конкретного эффекта, выгодного для инициатора коммуникации [6. С. 93]; б) важным аспектом манипуляции является создание у реципиента ложного ощущения самостоятельности в интерпретации полученной информации и автономности выбора формы ответного действия, основанного на его собственных умозаключениях [7. С. 85]; в) с точки зрения реципиента эмоционально-психологический результат такого воздействия, как правило, в итоге должен быть положительным [8. С. 46].

Языковая манипуляция в поэзии — это не обман или негативное воздействие. Это, скорее, искусное управление восприятием читателя через неявные языковые и стилистические механизмы. Манипуляция в поэзии действует на уровне подтекста, имплицатур, фоновых знаний, апеллируя к эмоциям и подсознанию. Поэтическая форма (ритм, рифма, метафоричность) часто служит «оболочкой», которая делает манипулятивное воздействие более приемлемым и менее критически оцениваемым. Поэтический язык допускает различные интерпретации. Поэт может намеренно использовать слова и образы с множеством значений, чтобы вызвать определенные, нужные ему ассоциации, оставляя при этом возможность для читателя «додумать» смысл.

Таким образом, центральной в поэзии является манипуляция эмоциями читателя, цель которой — создание глубокого, многослойного воздействия на эмоциональную, когнитивную и ценностную сферы читателя, часто без его полного осознания этого процесса. [9. С. 85] Важно отметить, что в поэзии грань между «манипуляцией» (в негативном смысле) и обычным художественным воздействием часто очень тонка и зависит от интенции автора и этической оценки результата.

Поэтами используется ряд изобразительно-выразительных средств, а также стратегий, которые выполняют в том числе и манипулятивную функцию. Так, метафора создает новые, часто неожиданные ассоциации, что позволяет автору незаметно «внедрить» в сознание читателя определенную оценку или эмоциональный фон. Символы активизируют коллективное бессознательное, культурные коды, архетипы. Это позволяет вызвать у читателя сильные, часто неосознанные эмоциональные реакции и ассоциации, привить определенные ценности или представления. С помощью инверсии можно сместить акцент, выделить ключевую информацию, что косвенно влияет на ее восприятие и значимость. Эпитеты могут неявно навязать оценку. Риторический вопрос вовлекает читателя в диалог, заставляя его самого прийти к определенному выводу, который уже заложен в вопросе. Это создает иллюзию самостоятельного мышления у читателя, тогда как поэт направляет его к своей точке зрения и т.п.

Подробнее остановимся на феномене прецедентности, которая может выступать в качестве стратегии воздействия и манипулирования. В контексте художественного текста в целом и поэзии в частности прецедентные феномены служат мощным, но часто скрытым инструментом языкового манипулирования, позволяя поэту влиять на сознание читателя, вызывая определенные ассоциации, эмоции и оценки, не прибегая к прямому выражению.

Способы существования и функции прецедентных феноменов в художественном тексте

С тех пор как в 1986 г. термин «прецедентность» был введен Ю.Н. Карауловым, прошло уже около 40 лет, но только в последнее время этот термин получил широкое распространение в лингвистике. На сегодняшний день можно говорить о теории прецедентности, которая является непосредственным продолжением теории интертекстуальности, и хотя до сих пор нет четкого определения границ двух теорий и границ взаимодействия интртекстуальных и прецедентных феноменов, ее можно считать состоявшейся.

Терминологическая база теории прецедентности развивается, но в целом в основе понимания прецедентных феноменов лежит первоначальное определение Ю.Н. Караулова, согласно которому прецедентные тексты являются готовыми интеллектуально-эмоциональными блоками, используемыми для обращения к «ментальному контексту» [10. С. 220]. Прецедентный феномен отражает отношения между сознанием языковой личности (чаще коллективной) и текстом, между коллективной культурной памятью и современностью.

Разграничение прецедентных феноменов проводится по самым разным основаниям: в зависимости от того, к какому типу претекста восходит прецедентный феномен, различают прецедентные высказывание, ситуацию и имя; в зависимости от характера интерпретации претекста говорят о цитатах (точных и трансформированных), перифразах, аллюзиях, реминисценциях и т.д. как типах прецедентных феноменов.

Г.Г. Слышкин предлагает несколько оснований деления прецедентных феноменов: а) по носителю прецедентности выделяются феномены, имеющие разную степень распространенности и известности — от групповых до общечеловеческих прецедентных текстов (см. также подобную классификацию по уровню прецедентности В.В. Красных и других авторов [11. С. 63]: *социально-прецедентные феномены* — групповые феномены, национально-прецедентные феномены, например русские, и универсально-прецедентные феномены — наиболее широко известные); б) *по тексту-источнику* (от крылатых фраз до обширных цитат); в) *по тому, как данный текст был усвоен* — добровольно или принудительно; г) *по степени опосредованности восприятия*: прецедентные тексты, ставшие таковыми при непосредственном восприятии, заимствованные прецеденты или заново интерпретированные [12. С. 70].

В рамках исследования русскоязычных художественных текстов нам представляется целесообразным классифицировать прецедентные феномены, во-первых, по типу претекста или затекстовой действительности, к которой обращен прецедентный феномен, а во-вторых, по форме, в которой существует прецедентный текст во вторичном контексте:

а) цитата — дословная выдержка из какого-либо текста: «Ни следователь Викентьев *не тревожил меня, ни жестокий пятый прокуратор Иудеи, всадник...* Короче, никого тут не было»¹ (последние строки эпилога романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»);

б) аллюзия — использование намек на реальные общеизвестные факты, события. Например, в стихотворении «Октябрь — месяц грусти и простуд» И. Бродский обращается к прецедентной ситуации Октябрьской революции:

Октябрь — месяц грусти и простуд,
а воробьи — *пролетарьят* пернатых —
захватывают в брошенных пенатах
*скворечники, как Смольный институт*²;

в) реминисценция (в поэзии) — черты, признаки, отзвуки чужого или ранее написанного произведения; отражение чьего-либо влияния в художественном произведении: «Она сокрушенно махнула белоснежным платочком. „Ей-богу, у нее сейчас *из рукава косточки полетят*“»³ (отсылка к «Сказке о царе Салтане» А.С. Пушкина);

г) перифраза — описательное выражение, заменяющее прямое название и содержащее в себе признаки не названного прямо предмета, например, строки стихотворения И. Бродского:

¹ Михалкова Е. Нежные листья, ядовитые корни: роман. М. : АСТ, 2015. Режим доступа: <https://loveread.ec/book-comments.php?book=48418> (дата обращения: 12.01.2025).

² Бродский И. Октябрь — месяц грусти и простуд: стихотворение. Режим доступа: <https://www.culture.ru/poems/30482/oktyabr-mesyac-grusti-i-prostud> (дата обращения: 12.01.2025).

³ Михалкова Е. Черный пудель, рыжий кот, или Свадьба с препятствиями: роман. М. : АСТ, 2015. Режим доступа: <https://loveread.ec/book-comments.php?book=51201> (дата обращения: 12.01.2025).

Помолись лучше вслух, как второй *Назорей*,
за *бредущих с дарами* в обеих
половинках земли *самозванных царей*
и за всех *детей в колыбелях*⁴.

В данном случае событие не названо, однако упоминание ключевых слов и характеристик, а также прозвище Назорей однозначно отсылает читателя к рождению Христа;

д) мотив — составная часть темы, сюжета произведения искусства⁵.

Прецедентное высказывание — «репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности; законченная и самодостаточная единица, которая может быть или не быть предикативной; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу» [11. С. 106]. Прецедентная ситуация — внеязыковой, когнитивный феномен: некая «эталонная» жизненная ситуация, значимая с точки зрения мышления и обычно несущая определенные ассоциативные оттенки. Прецедентное имя — индивидуальное имя, связанное с каким-либо прецедентным текстом или ситуацией, либо символическое имя, обозначающее совокупность устойчиво воспринимаемых качеств [13. С. 60].

Описанные классификации накладываются друг на друга, образуя многомерное описание прецедентности. Так, например, прецедентные высказывания могут быть по форме цитатами в своей неизменной форме или трансформированными, но узнаваемыми. Прецедентные имена могут функционировать как аллюзии или реминисценции, и даже как мотивы. Необходимо отметить, что прецедентные феномены часто не имеют четкого разграничения в рамках использования. Так, например, имя Наполеон может использоваться и как прецедентное имя, и как знак прецедентной ситуации: «когда пришел Наполеон» = Отечественная война 1812 года.

Прецедентные феномены отражают определенные интенции автора позднейшего текста, что проявляется в наборе функций таких феноменов [14. С. 42; 15]. Первой и самой яркой функцией, на наш взгляд, выступает а) людическая, то есть функция языковой игры, в рамках которой читатель (обладающий тем же набором фоновых, экстралингвистических знаний, что и автор) вовлекается процесс декодирования «текста в тексте»:

– Почему я?

– Потому что ты *толстый и красивый парниша*⁶ (цитата из романа И. Ильфа и Е. Петрова «12 стульев»).

⁴ *Бродский И.* Снег идет, оставляя весь мир в меньшинстве...: стихотворение. Режим доступа: <https://www.culture.ru/poems/30993/sneg-idet-ostavlyaya-ves-mir-v-menshinstve> (дата обращения: 12.01.2025).

⁵ *Кузнецов С.А.* Большой толковый словарь русского языка. СПб. : Норинт, 2000.

⁶ *Михалкова Е.* Нежные листья, ядовитые корни: роман. М. : АСТ, 2015. Режим доступа: <https://loveread.ec/book-comments.php?book=48418> (дата обращения: 12.01.2025).

Опишем другие функции прецедентов:

б) парольная, в рамках которой с помощью прецедента создается общий «язык», набор смыслов, используемый автором и его адресатом:

И шансы найти *этого нехорошего человека* близки к нулю, — вслух закончила Света свою мысль⁷ (цитата из фильма режиссера А. Серого «Джентльмены удачи»);

в) моделирующая, которая создает определенные представления о мире в виде модели, например, поведенческой:

Матильда, пыхтя, затащила сумку в номер. Она хотела попросить кого-нибудь помочь ей, но за стойкой на первом этаже сидела женщина типажа *Авада Кедавра* — умри все живое⁸ (цитата-заклинание из книг о Гарри Поттере Дж. К. Ролинг);

г) эвфемистическая функция, которая позволяет сослаться на предмет или явление, не называя его:

– Почему я не могу влиять даже на какую-то дурацкую аш-два-о?!
Валентина Андреевна сочувственно улыбнулась и заметила, что пока это *получилось только у одного человека*.
– И я хочу быть таким человеком <...>.
– Боюсь, моя девочка, тебе бы это не понравилось. *Из доступных нам свидетельств почти неоспоримо следует, что к его умению прилагалась весьма неприятная процедура*.
– Какая? – всхлипнула Белка.
– *Распятие на кресте*, – кротко сказала Валентина Андреевна⁹ (аллюзия на библейский текст);

д) эстетическая функция:

Он до сих пор уверен, что для его сестры я *чистейшей прелести чистейший образец*¹⁰ (цитата из стихотворения А.С. Пушкина «Мадонна»);

е) функция оценки:

Это я под впечатлением от Шверник. *Знойная женщина, мечта поэта*¹¹ (характеристика мадам Грицацуевой, героини романа И. Ильфа и Е. Петрова «12 стульев»);

⁷ Михалкова Е. Котов обижать не рекомендуется: роман. М. : АСТ, 2012. Режим доступа: <https://loveread.ec/book-comments.php?book=17780> (дата обращения: 12.01.2025).

⁸ Михалкова Е. Нежные листья, ядовитые корни: роман. М. : АСТ, 2015. Режим доступа: <https://loveread.ec/book-comments.php?book=48418> (дата обращения: 12.01.2025).

⁹ Там же.

¹⁰ Михалкова Е. Черный пудель, рыжий кот, или Свадьба с препятствиями: роман. М. : АСТ, 2015. Режим доступа: <https://loveread.ec/book-comments.php?book=51201> (дата обращения: 12.01.2025).

¹¹ Михалкова Е. Нежные листья, ядовитые корни: роман. М. : АСТ, 2015. Режим доступа: <https://loveread.ec/book-comments.php?book=48418> (дата обращения: 12.01.2025).

ж) прагматическая функция, в рамках которой прецедентный феномен выступает как инструмент создания определенного состояния адресата. Например, использование в качестве исходного текста детской мнемонической фразы — считалочки для правильного рисования человечков — в стихотворении И. Бродского «Представление» способствует созданию ироничного настроения:

*Эта личность мне знакома! Знак вопроса вместо тела.
Многоточие шинели. Вместо мозга — запятая.
Вместо горла — темный вечер. Вместо буркала — знак деления.
Вот и вышел человечек, представитель населенья¹².*

Выполняя прагматическую функцию, прецедентный феномен становится инструментом и стратегией воздействия на читателя и — в определенной мере — манипулирования.

Функционирование прецедентных феноменов в поэзии в качестве инструмента языкового воздействия и манипулирования

Автор художественного произведения использует прецедентные феномены, рассчитывая на то, что читатель узнает их и активизирует соответствующие знания и ассоциации, хранящиеся в его долговременной памяти. Как мы видим, многие прецедентные феномены несут в себе устойчивую оценку, отсылая к которой поэт автоматически переносит ее на описываемые явления или персонажей. Выбор конкретных прецедентных текстов или ситуаций диктует определенную интерпретационную рамку.

Узнавание и интерпретация прецедентного текста происходит одновременно с чтением художественного произведения, формируя многомерность и многослойность передаваемых смыслов, обогащая подтекст произведения разнообразными и порой неожиданными ассоциациями реципиента. Художественный текст оказывается пространством для диалога не только читателя и автора, но и диалогов «автор vs предшествующий текст», а также «культурно значимый предшествующий текст vs читатель». Прецедентный текст в рамках нового художественного произведения сам оказывается частью культурного кода и одновременно формирует его.

С другой стороны, прецедентные феномены участвуют в создании подтекста и имплицитных смыслов в поэзии. Это изящная форма воздействия на читателя, которая позволяет автору не просто передавать информацию, но и тонко формировать восприятие, эмоции, убеждения и ценности читателя, делая его активным, но часто неосознанным участником этого процесса. Опишем далее некоторые случаи использования прецедентных феноменов в поэзии в качестве инструмента воздействия и манипуляции.

Так как цитация — наиболее явная форма существования прецедентных высказываний, она имеет меньший эффект воздействия. Цитата, даже

¹² Бродский И. Представление: стихотворение. <https://lib.ru/BRODSKIJ/present.txt> (дата обращения: 12.01.2025).

видоизмененная, обнаруживается и часто однозначно интерпретируются читателям, создавая эмоциональный и эстетически фон для нового высказывания, но не переходя в область манипуляции. Однако при трансформации цитата переосмысливается в новом художественном высказывании, что делает ее инструментом воздействия и манипуляции. Например, в стихотворении В.И. Шаповалова, народного поэта Кыргызской Республики, происходит трансформация прецедентного высказывания: «...мир праху твоему и праху миру твоему...»¹³. Простая перестановка слов приводит к обретению нового смысла: прощание с покойным соотносится с полной уверенностью в крахе мира, в конце всего живого — и человека, и поэзии.

Включение прецедентного высказывания в другой контекст также ведет к трансформации его смысла. В стихотворении «Чаша» В.И. Шаповалов обращается к христианской тринитарной формуле:

...И ширилась могла, пожирая сердца,
И все, что я вынес
Во имя отца
И сына,
Сдержат про себя я не смог
И выдохнул богу в отравленный смог:
– Сегодня я полную чашу испил!¹⁴.

То, что слова «Во имя Отца и Сына и Святого Духа» используются при крещении, определенным образом воздействует на восприятие стихотворения: рождается ряд ассоциаций *крещение — крест, крест — тяжелая ноша, испытание, крещение — переход в иное состояние духа*. Страдания лирического героя связаны с переходом в иную «земную» и духовную ипостась — из сына в отца.

Стихотворение «Азбука» также содержит реминисценцию на текст Библии:

...у каждого в начале было — Слово.
Взгляни на прошлое — увидишь свет¹⁵.

Благодаря прецедентному высказыванию восприятие текста направляется в определенное русло. Возникающие ассоциации *Слово — мудрость — Библия — Священная книга, свет — мир — мудрость — учение* формируют мысль об общности истоков человеческой мудрости, воплощенной в Слове, которая далее разворачивается в стихотворении.

В произведении К. Убайдуллаевой «Узы»¹⁶ текст сказки Антуана де Сент-Экзюпери присутствует в виде многих прецедентных высказываний: точных и неточных цитат, реминисценций («я чувствую, как огромные баобабы впились в корни в почву моей души»; «...есть звезда, где, смеющийся и счастливый, мой друг встречает очередной закат»; «И зорким

¹³ Шаповалов В.И. Восходят травы: Поэмы. Лирика. Фрунзе : Кыргызстан, 1982. С. 84.

¹⁴ Шаповалов В.И. Прощание с журавлем: Лирика. Поэма. Фрунзе : Мектеп, 1987. С. 17.

¹⁵ Там же. С. 23.

¹⁶ Убайдуллаева К. Узы // Литературный Кыргызстан. 2020. № 3 (август). С. 117—118.

сердцем я быстро найду планету» и др.), которые манипулируют на уровне эмоций читателя, вызывая стойкие ассоциации: лис приручен — узы — Маленький принц улетел / умер — тоска лиса — желание умереть, чтобы снова встретиться с принцем. Но «Узы» — новое художественное произведение, лишь основывающиеся на экспрессивности сказки. В нем описано чувство тоски по любимому, подобное тому, что испытывал бы лис после исчезновения Маленького принца. Явные переключки со сказкой дают возможность с самого начала настроить читателя на нужный эмоциональный лад, сообщить ему о необходимой экспрессии. Приведем конец этого стихотворения:

Я снова стану единственным в целом свете
Из сотни тысяч таких же других комет.
И это важно, ведь мы *навсегда в ответе*
За тех, кто будет плакать, когда нас нет¹⁷.

Предполагаемая встреча с любимым становится продолжением и счастливым концом сказки, поэтому известнейшие цитаты А. де Сент-Экзюпери, ставшие прецедентными, трансформируются и приобретают иной смысл. В данном случае манипуляции эмоциональным состоянием адресата достигает свои цели: стихотворение «Узы» остается для читателя самостоятельным поэтическим высказыванием, обогащенным эмоциями и экспрессией текста-предшественника.

Гораздо большим эффектом воздействия, чем цитаты, обладают текстовые реминисценции и аллюзии. Они могут присутствовать в поэтическом тексте в виде прецедентных высказываний и прецедентных имен, опирающихся на прецедентную ситуацию. Аллюзии существуют в тексте в виде метафор, метонимий, перифраз, создавая переключки с прецедентными ситуациями и с теми эмоциями и оценками, которые их устойчиво сопровождают. Приведем пример из поэзии А.И. Никитенко:

Хлебнул лишений и скитаний
с тех пор, когда давным-давно
моя держава, как „Титаник“,
перекренясь, ушла на дно¹⁸.

Проведение параллели «крушение Титаника — распад СССР» порождает ряд близких ассоциаций (разрушение, трагедия, гибель) и чувств (ужас, растерянность, беспомощность и невозможность предотвратить), что, конечно, позволяет этой метафоре воздействовать на эмоции читателя.

Пример тонкого и ненавязчивого манипулирования находим в поэзии В.И. Шаповалова:

Этот голос... живой и веселый под занавес –

¹⁷ Убайдуллаева К. Узы // Литературный Кыргызстан. 2020. № 3 (август). С. 117–118.

¹⁸ Никитенко А.И. Тень птицы: стихотворения разных лет. Воспоминания друзей. Бишкек : Салам, 2018. С. 85.

глас Марины и Анны, и Лидии глас!
Сладок час — отташкентились да отрязались,
отъелабужились все укору из глаз...¹⁹.

Использованные прецедентные имена — Марина (Цветаева) и Анна (Ахматова), а также окказионализмы «отташкентились» и «отъелабужились» вводит читателя в определенный круг ассоциаций: имя Марины Цветаевой неразрывно связана с г. Елабугой, где она закончила свою жизнь, а имя Анны Ахматовой — с Ташкентом, где она провела почти три года войны (1941—1944). И тот, и другой ряд включает компонент «страдания». Приставка *от-* имеет значение отделения, удаления и завершения действия, что позволяет интерпретировать смысл окказионализмов как «конец, завершение страданий». Такими средствами создается определенная атмосфера негорестного, легкого и светлого ухода, когда заканчиваются страдания и остается память.

Текстовые реминисценции также дают поэту широкое поле для воздействия на восприятие читателя и манипулирование им. Аллюзии и реминисценции использованы в сонете В.И. Шаповалова:

В ее огромном, светлом, грустном взоре —
Плач Ярославны, звонкий голос Зои,
Набат войны и мирное жнивье²⁰.

Реминисценция отсылает читателя к тексту «Слова о полку Игореве», аллюзия — к истории Зои Космодемьянской; обе они связаны с войной и женской судьбой в период войны, обе связаны с образом России. Формируется ассоциативное, метафорическое представление о России как о женщине, перенесший многие лишения, но оставшейся верной себе и своему пути. Отсылка к прецедентам, таким образом, создает фон множественных ассоциаций с необходимой поэту экспрессией.

Рассмотрим реминисценцию на миф об Ариадне в следующем стихотворении того же автора:

...нет *нити* и нет *Ариадны*,
на чет или нечет
в нас время не ставит всеядно,
безмерностью лечит²¹.

Ариадна и ее нить символизирует выход из лабиринта, из запутанности, а также память о пройденном пути. В сознании читателя намеренно создается образ лабиринта запутанных воспоминаний, из которого уже нет выхода.

Другие реминисценции на тексты греческих мифов встречаем в стихотворениях Шаповалова «Илиада» (Гомер, Троянский конь, Ахилл, Патрокл,

¹⁹ Шаповалов В.И. Кочевье: стихотворения и поэмы. Фрунзе: Кыргызстан, 1979. С. 39.

²⁰ Там же. С. 28.

²¹ Там же. С. 44.

фрагменты сюжета), «Фрагмент Одиссеи» (Зевс, Европа, Пенелопа, переосмысление сюжета), где благодаря отсылкам формируется общая идея цикличности истории, ее повторяемости и замкнутости на самой себе.

Заключение

Прагматический потенциал поэзии реализуется через разнообразные инструменты языкового воздействия и манипулирования, в том числе через прецедентность. Прецедентные феномены выполняют ряд функций, отражающих интенции автора позднейшего текста, среди которых мы выделяем прагматическую функцию, которая превращает их в активные инструменты воздействия и манипулирования, способные формировать внутренний опыт читателя. Оказываясь в новом контексте, трансформируясь и переосмысляясь, они выводят известные идеи на новый уровень, позволяют углубить и разнообразить смыслы художественного высказывания, формируют широкий подтекст. Прецедентные феномены, таким образом, — не застывшие речевые формулы, а живые, актуальные тексты, позволяющие обогатить более поздние произведения.

Автор произведения, включая прецедентные феномены, рассчитывает на их узнавание читателем и активацию соответствующих знаний и ассоциаций. Многие прецеденты несут в себе устойчивую оценку, и их выбор определяет интерпретационную рамку для читателя.

Мы видим, что существует обратная зависимость между эксплицитностью прецедентного феномена и его манипулятивным эффектом: более явные формы, например, цитаты, обладают меньшим воздействием, в отличие от тонких имплицитных форм (аллюзий и реминисценций), которые оказывают значительно большее манипулятивное воздействие, так как действуют на подсознательном уровне, обходя критическое осмысление и способствуя формированию «ложного ощущения самостоятельности» в интерпретации. В итоге использование прецедентов преобразует опыт чтения в динамичный интертекстуальный диалог, где художественный текст не только отражает, но и активно формирует культурный код. Считаем, что поэтическая манипуляция является искусной и этически обоснованной техникой, направленной на создание глубокого, многослойного и часто положительного эмоционального и когнитивного воздействия на реципиента, обогащая эстетический опыт через мастерское использование взаимодействия языка и культурной памяти.

Библиографический список

1. *Матвеева Г.Г.* Актуализация прагматического аспекта научного текста. Ростов н/Д. : Рост. гос. ун-т, 1984. EDN: VOEYTH
2. *Падучева Е.В.* Семантические исследования (семантика времени и вида в русском языке; семантика нарратива). М. : Языки русской культуры, 2011.
3. *Навасартян Л.Г.* Языковые средства и речевые приемы манипуляции информацией в СМИ (на материале российских газет) : дис. ... канд. филол. наук. Ульяновск, 2017. EDN: NGQUMK
4. *Манухина И.А.* Гендерные предпочтения в выборе стратегий и тактик речевого поведения (на материале диалогов современной американской литературы) // Современное

гуманитарное научное знание: мультидисциплинарный подход: материалы междунар. науч.-практ. конф. Барнаул : Изд-во АлтГТУ, 2017. С. 18–21. EDN: ZVOSCT

5. *Стернин И.А.* Введение в речевое воздействие. Воронеж : Истоки, 2001. EDN: ZVOSCT

6. *Фролова О.Е.* Реакция на манипулятивное речевое воздействие // Социо- и психолингвистические исследования. 2018. № 6. С. 90–94. EDN: YSFXNR

7. *Спиртова Д.А.* Квазиаргументы как инструмент речевого манипулирования аудиторией СМИ // Медиа-Альманах. 2019. № 4 (93). С. 84–92. <https://doi.org/10.30547/mediaalmanah.4.2019.8492> EDN: QZNMND

8. *Сараев М.Д.* Способы языкового манипулирования // Ученые записки Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики. 2018. № 4. С. 44–51. EDN: AZYWMR

9. *Чаковская М.С.* Текст как сообщение и воздействие. М. : Высшая школа, 1986.

10. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М. : Наука, 1987. EDN: PWFIXL

11. *Красных В.В., Гудков Д.Б., Захаренко И.В., Багаева Д.В.* Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 1997. № 3. С. 62–85.

12. *Слышкин Г.Г.* От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М. : Academia, 2000. EDN: QSLPHN

13. *Красных В.В.* Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. М. : Гнозис, 2002.

14. *Нахимова Е.А.* Прецедентные имена в массовой коммуникации : монография. Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2007.

15. *Эбзеева Ю.Н., Дуалич Н.М.* Семиотика медицинского дискурса // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 3. С. 802–820. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-3-802-820> EDN: HXZDAT

References

1. Matveeva, G.G. (1984). *Actualization of the Pragmatic Aspect of a Scientific Text*. Rostov-on-Don: Rostov State University. (In Russ.). EDN: VOEYTH

2. Paducheva, E.V. (2011). *Semantic Research (Semantics of Time and Type in the Russian Language; Semantics of Narrative)*. Moscow : Yazyki russsskoy kultury. (In Russ.).

3. Navasartyana, L.G. (2017). *Linguistic Means and Speech Techniques of Information Manipulation in the Media (based on the material of Russian newspapers)* [PhD Thesis]. Ulyanovsk. (In Russ.). EDN: NGQUMK

4. Manukhina, I.A. (2017). Gender Preferences in the Choice of Strategies and Tactics of Speech Behavior (based on the dialogues of modern American literature). In: *Modern humanitarian scientific knowledge: a multidisciplinary approach: materials of international scientific-practical conference* (pp. 18–21). Barnaul: AltGTU publ. (In Russ.).

5. Sternin, I.A. (2001). *Introduction to Speech Impact*. Voronezh: Istoki. (In Russ.). EDN: ZVOSCT

6. Frolova, O.E. (2018). Reaction to Manipulative Speech Influence. *Socio- and Psycholinguistic Research*, 6, 90–94. (In Russ.). EDN: YSFXNR

7. Spirtova, D.A. (2019). Quasi-Arguments as a Tool of Speech Manipulation of the Media Audience. *Medi@lmanah Journal*, 4(93), 84–92. (In Russ.). <https://doi.org/10.30547/mediaalmanah.4.2019.8492> EDN: QZNMND

8. Saraev, M.D. (2018). Methods of Linguistic Manipulation. *Uchenye Zapiski St. Petersburg University of Management Technologies and Economics*, 4, 44–51. (In Russ.). EDN: AZYWMR

9. Chakovskaya, M.S. (1986). *Text as a Message and Impact*. Moscow: Higher School. (In Russ.).

10. Karaulov, Yu.N. (1987). *The Russian Language and Linguistic Personality*. Moscow: Nauka. (In Russ.). EDN: PWFIXL

11. Krasnykh, V.N., Gudkov, D.N., Zakharenko, I.N., & Bagaeva, D.N. (1997). Cognitive base and precedent phenomena in the system of other units and in communication. *Bulletin of the Moscow University. Ser. 9. Philology*, 3, 62–85. (In Russ.).
12. Slyshkin, G.G. (2000). *From Text to Symbol: Linguistic and Cultural Concepts of Precedent Texts in Consciousness and Discourse*. Moscow: Academia. (In Russ.). EDN: QSLPHH
13. Krasnykh, V.V. (2002). *Ethnopsycholinguistics and Linguoculturology*. Moscow: Gnosis. (In Russ.).
14. Nakhimova, E.A. (2007). *Precedent Names in Mass Communication*. Yekaterinburg: Uralsk State Pedagogical University. (In Russ.). EDN: QCNWZL
15. Ebzeeva, Y.N., & Dugalich, N.M. (2024). Semiotics of Medical Discourse. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15(3), 802–820. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-3-802-820> EDN: HXZDAT

Сведения об авторах:

Окулич-Казарина Анна Валерьевна, старший преподаватель кафедры теории и практики русского языка факультета русской и славянской филологии, Кыргызский национальный университет имени Жусупа Баласагына (720033, Кыргызская Республика, г. Бишкек, ул. Фрунзе, д. 547); *сфера научных интересов*: теория языка; диахроническая лингвистика; *e-mail*: ok-anna85@mail.ru

ORCID: 0009-0006-1023-7572, SPIN-код: 5850-4508, AuthorID: 1206137.

Алмакаева Олеся Владимировна, старший преподаватель кафедры теории и практики русского языка факультета русской и славянской филологии, Кыргызский национальный университет имени Жусупа Баласагына (720033, Кыргызская Республика, г. Бишкек, ул. Фрунзе, д. 547); *сфера научных интересов*: теория языка; теория речевого воздействия; синтаксис русского языка; *e-mail*: o_lesja1987@mail.ru

ORCID: 0009-0005-6356-131X, SPIN-код: 3903-0067, AuthorID: 1033629.

Акназарова Гулумкан Анварбековна, старший преподаватель кафедры теории и практики русского языка факультета русской и славянской филологии, Кыргызский национальный университет имени Жусупа Баласагына (720033, Кыргызская Республика, г. Бишкек, ул. Фрунзе, д. 547); *сфера научных интересов*: методика преподавания и обучения; теория языка; *e-mail*: gaknar@mail.ru

ORCID: 0009-0007-3050-0937, SPIN-код: 5608-1484, AuthorID: 946239.

Information about the authors:

Anna V. Okulich-Kazarina, Senior Lecturer, Department of Theory and Practice of the Russian Language, Faculty of Russian and Slavic Philology, Kyrgyz National University named after J. Balasagyn (547 Frunze St., Bishkek, Kyrgyz Republic, 720033); *Research interests*: theory of language; diachronic linguistics; *e-mail*: ok-anna85@mail.ru

ORCID: 0009-0006-1023-7572, SPIN code: 5850-4508, AuthorID: 1206137.

Olesya V. Almakayeva, Senior Lecturer, Department of Theory and Practice of the Russian Language, Faculty of Russian and Slavic Philology, Kyrgyz National University named after J. Balasagyn (547 Frunze St., Bishkek, Kyrgyz Republic, 720033); *Research interests*: theory of language; theory of speech influence; syntax of the Russian language; *e-mail*: o_lesja1987@mail.ru

ORCID: 0009-0005-6356-131X, SPIN code: 3903-0067, AuthorID: 1033629.

Gulumkan A. Aknazarova, Senior Lecturer, Department of Theory and Practice of the Russian Language, Faculty of Russian and Slavic Philology, Kyrgyz National University named after J. Balasagyn (547 Frunze St., Bishkek, Kyrgyz Republic, 720033); *Research interests*: teaching and learning methods, theory of language; *e-mail*: gaknar@mail.ru

ORCID: 0009-0007-3050-0937, SPIN code: 5608-1484, AuthorID: 946239.